

В подводном судне, не зная ни своего местоположения, ни пути следования, троица неудачников обсуждала, стоит ли зажигать вторую кислородную свечу.

Они решили протянуть ещё час-два и только потом зажечь её.

Хотя это неизбежно приведёт к периоду заторможенности и помутнения сознания, но вдруг всего лишь эта небольшая отсрочка повысит их шансы на спасение?

— Если одна кислородная свеча позволит протянуть на час дольше, то три свечи дадут три часа. Если одна даст два часа — то три дадут шесть, — сказал русал-археолог, являющийся гуманитарием. — Может быть, именно на предельном шестом часу мы и найдём сушу.

— Я всё же надеюсь, что нас спасут пораньше, — вздохнул гриболюд. — Снежноцапка, а ты как думаешь?

— Мне всё равно, — Снежноцапка в последние дни пребывала в подавленном настроении. — За мной уже следят два тёмных бога, будущего у меня всё равно не осталось...

— За мной следят сразу три тёмных бога, и я до сих пор жив, — заметил гриболюд, заставляющий муравья расхаживать вокруг неё. — К тому же, если удастся продолжить бегство... Ты ведь бежишь быстрее всех. В прошлый раз, когда у тебя вспыхнуло желание выжить, ты даже меня напугала.

— Нет, — возразил русал-археолог, перелистывая дневник и просматривая свои записи о Снежноцапке, — тогда у неё было предсмертное пробуждение демонической крови, и это было совсем не хорошо. По словам самой Снежноцапки, это был первый раз, когда её кровь пробудилась. По моим наблюдениям, в течение той минуты она полностью утратила рассудок, ворвалась в ряды культивистов Искажения и устроила безумную резню. В одиночку сражаясь с тремя служителями среднего уровня, она не уступала им; любые её раны заживали с поразительной скоростью, а физическими атаками она могла задевать даже духов, управляемых некромантом. Этими признаками Снежноцапка очень походила на высокоуровневого озверевшего, но её внешность при этом совсем не изменилась — она оставалась в человеческом облике.

Он перелистнул страницу и продолжил:

— Через минуту она потеряла сознание, но культивисты Искажения к тому моменту были почти полностью уничтожены. Именно благодаря её вспышке мы и смогли вырваться из окружения. Но после первого пробуждения крови обязательно будет второе. Осквернённая магическая сила вызывает зависимость при повторном использовании, и, если это продолжится, Снежноцапка неизбежно падёт с человеческой стороны на сторону демонов. Учитывая источник её крови, она, вероятно, станет бешенозверем.

Русал-археолог закрыл дневник.

— Это было не столько вспышкой желания выжить, сколько пробуждением силы в её теле ради самосохранения. Но это была не добрая сила, а злая. Действительно тревожно... Эй, Снежноцапка...

Ответа не последовало.

Русал-археолог, которому было уже за восемьдесят, удивлённо поднял голову и увидел, что Снежноцапка сидит в углу жилого отсека, обхватив колени и опустив голову, а её дыхание становится всё более тяжёлым.

Он невольно спросил:

— Тебе плохо, Снежноцапка?

— В прошлый раз она тоже первой потеряла сознание, — проанализировал гриболюд. — Сильное тело требует больше кислорода, а магии, чтобы компенсировать расход, у неё нет. В такой среде она, конечно, первой должна ослабнуть.

— Ах, — русал-археолог хлопнул себя по лбу. — Я не учёл этого. Она слишком сильна в бою, я всё время воспринимал её как служителя. Ладно, давай зажжём вторую кислородную свечу.

Иной выход отсутствовал.

Оставшиеся две кислородные свечи уже давно перенесли в жилой отсек. Закрыв дверь, чтобы кислород не рассеивался по всему судну, русал-археолог, следуя методу, которому ранее научила его Снежноцапка, открыл крышку и нажал на металлический штифт, чтобы тот ударил по капсулю.

Вскоре даже сам русал-археолог, у которого сжимало грудь, почувствовал, что дышать стало значительно легче.

Он обернулся к Снежноцапке и спросил:

— Так ей должно стать лучше, верно?

— Нет, — ответил гриболюд.

Снежноцапка уже завалилась на пол, её дыхание было не только тяжёлым, но и учащённым.

— Что?! — русал-археолог вскочил. — Она заболела?

— Эта малышка сама говорила, что два дня дрейфовала в ледяных водах реки Райи, — сказал гриболюд. — Обычно люди, которые не простужаются после такого, вообще редко болеют. Я скорее задаюсь вопросом: может ли повторяющаяся нехватка кислорода заставить силу в её теле пробудиться ради самосохранения?

Шаги русала-археолога в сторону Снежноцапки замерли.

Хотя её дыхание становилось всё более тяжёлым и быстрым, в отсеке воцарилась странная, гнетущая тишина.

— Я сейчас убью её, — внезапно сказал гриболюд, распуская мицелий.

— Нельзя! — поспешно остановил его русал-археолог.

— В прошлый раз, в момент своего срыва, она не различала врагов и союзников, просто мы с тобой успели убежать, — сказал гриболюд. — Если она сорвётся здесь, в подводном судне, она сначала убьёт нас, а потом грубой силой разрушит всю подлодку. Тогда никто из нас — ни ты, ни я, ни она — не выживет.

— Но...

— Я не позволю этому случиться. Я хочу жить, у меня ещё есть дела, — гриболюд направил муравья в угол, где находилась Снежноцапка, а его венцеобразное тело начало раздуваться. — Я убью её. Мистер русал... нет, мистер Хороправ, ты, как человек, не сможешь поднять на неё руку, так что просто стой там и жди.

— Подожди! Послушай меня! — громко выкрикнул Хороправ Пантодон. — Не нужно сразу впадать в крайности. Почему бы в такой ситуации не спросить Око Зазеркалья?

Гриболюд остановился.

Он обернулся к Хороправу и сказал:

— Похоже, ты куда более радикален, чем я.

— В тех уголках истории, о которых не пишут в школьных учебниках, — спокойно произнёс Хороправ, чьи волосы от старости уже стали серебряными, — в архивах церкви Инеевого Звоноврана, на втором этаже, куда не пускают посторонних, если полистать книги, можно увидеть: Шесть Столпов относятся к Деве Серебряной Луны, Тёмному Солнцу и Падшему Небу крайне жёстко, но к некоторым слабым тёмным богам — весьма двусмысленно. Например, к Королю Грибов. В необходимых случаях они даже объединялись, чтобы противостоять этой самой сильной троице тёмных богов. Почему же так происходило?

— Мистер Хороправ, в таком возрасте, если ты всё-таки хочешь умереть своей смертью, лучше не вникать в этот вопрос, — сказал гриболюд.

— ...Раз уж ты так говоришь, мне стало ещё любопытнее! — старый русал схватился за голову. — В общем, со слабыми тёмными богами возможно ограниченное сотрудничество. Око Зазеркалья уже даровал Снежноцапке божественное откровение — возможно, он не хочет её смерти. Мистер гриболюд, помолись Оку Зазеркалья. Ты же сам говорил, что можешь немного в него поверить?

— Не называй меня мистером, я уже говорил, что у меня нет пола, — проворчал гриболюд. — И вообще, зачем тут я? Ты и сам можешь ему помолиться.

— Прошу прощения, но моя вера в моего повелителя непоколебима, — отказался Хороправ.

В отсеке вновь воцарилась тонкая, напряжённая тишина, а упавшая в углу Снежноцапка уже начала дёргаться в судорогах.

— Говоря так... — медленно начал гриболюд, — даже если я сейчас попытаюсь уснуть и во сне пойду искать того новорождённого бога снов, у меня всё равно не получится.

— И не нужно спать. По одному лишь имени божества — Око Зазеркалья — уже можно многое проанализировать, — тут же сказал Хороправ. — На самом деле, хоть у тебя и нет глаз, муравей, в котором ты паразитируешь, сохраняет определённую активность, и его глаза всё ещё видят. Мои глаза тоже — пусть и подслеповаты, но работают. Здесь есть две пары глаз, и мы только что несколько раз произнесли имя Ока Зазеркалья. Возможно, он уже...

Бам!

Снежноцапка, лежавшая на полу, вдруг в нечеловеческой позе подскочила: все её четыре конечности упёрлись в пол, а грудь и живот обратились вверх.

Она врезалась в потолок отсека и вмяла стальную плиту вглубь.

Пришёл ли Око Зазеркалья или нет — у Хороправа и гриболюда не было времени об этом думать. Убийственный приём гриболюда — принудительное паразитирование — требовал времени на развитие, а Хороправ... В бою он являлся балластом этой команды.

Но даже так, когда Снежноцапка бросилась на него, Хороправ не удержался от анализа.

«Сначала устранить крупную цель с признаками жизни в поле зрения — логика убийства Снежноцапки в состоянии срыва точно такая же, как у бешенозверя. Если подобные вспышки повторятся ещё несколько раз, её падение станет необратимым. Как жаль... ведь она должна была быть девушкой со светлым будущим...»

В долю секунды Хороправ схватил штурмовую винтовку.

Бах-бах-бах-бах-бах-бах-бах!

Из дула вырвалось пламя, раскалённые пули пошли очередью. Хороправ не успел прицелиться — первая и вторая пули ударили в стену отсека.

Рикошеты заметались во все стороны, но, меньше чем через секунду, когда Снежноцапка оказалась прямо перед ним, дистанция стала настолько близкой, что он больше не промахивался.

Кровавые брызги взорвались у неё в груди и за спиной — несколько пуль определённо прошли сердце, но её налитые кровью глаза не выразили ни малейшего замедления. Протянутые руки уже находились на полпути к горлу русала.

«Похоже, мне пора встретиться с повелителем», — понял Хороправ.

Оставалось надеяться, что снежные равнины повелителя не будут такими холодными, как в легендах. Пантодонские русалы предпочитали тёплую воду — холод он переносил плохо...

Рука старого русала соскользнула со спускового крючка. Пули не действовали — сопротивляться дальше не имело смысла. Он поднял голову и посмотрел в мутные, налитые красным глаза Снежноцапки и увидел в них собственное отражение.

В следующее мгновение отражение изменилось, превратившись в маленького, неразличимого по чертам молодого мужчину.

Этот молодой человек с глазами цвета розового серебра скользнул взглядом по Хороправу и повернулся, позвав:

— Снежноцапка.

«Око Зазеркалья! Он действительно пришёл!» — Хороправ, чудом выживший, отступил на шаг, желая увидеть, как этот новорождённый бог снов заставит Снежноцапку уснуть.

Но Око Зазеркалья лишь произнёс её имя — и она замерла.

Все её эмоции оказались будто заморожены, рассудок был насильственно возвращён. Сила мгновенно ушла из её тела; мягкая рука скользнула по шее Хороправа, и она рухнула на пол.

— Ха... Ха... Ха...

Девушка-волколюдка пришла в себя, не понимая, откуда взялась такая усталость — будто она только что пробежала тридцать километров. Снежноцапка с трудом приподняла голову и пробормотала:

— Что... что случилось?..

Наблюдавший за ней Хороправ резко сузил зрачки.

За эти дни он пытался понять, какими сферами может управлять новый бог снов. Сон — безусловно. Но само имя Око Зазеркаля вовсе не отражало образ сна. «Зеркало» и «Око» связывались со слишком многими понятиями; если расширить ассоциации, можно было дойти даже до «судьбы и пророчеств» — как в народных сказках о всеведущем волшебном зеркале.

У Хороправа не имелось допуска к историческим архивам старой эпохи, но это не мешало ему сделать вывод: мир вовсе не начинался с первого понедельника первой недели нового календаря. Как археолог, он не раз раскапывал руины старой эпохи и по останкам тел оглядывался в то хаотичное, залитое кровью и огнём, бесконечно мучительное время войн богов.

Те боги одним жестом уничтожали всё сущее, их слова испаряли моря, их взгляды замораживали города.

И это было совсем не то же самое, что просто назвать чьё-то имя — и без всякой причины вернуть человека к спокойствию.

По сравнению с другими богами такая сила казалась слабой.

Но для людей в ней таился особый, леденящий ужас.

Хороправу очень хотелось обсудить это с кем-нибудь, но гриболюд, который уже тянул мицелий, чтобы связать Снежноцапку, услышав незнакомый голос, не раздумывая втянул его обратно и спрятался в том углу, где раньше сидела Снежноцапка.

В тот же момент в зеркале, висевшем за дверью жилого отсека, появился силуэт, которого там прежде не было.

Линь, шагнувший в зеркальную поверхность из глаз Снежноцапки, окинул взглядом разгромленный отсек и тихо цокнул языком.

Этот звук заставил гриболюда вздрогнуть, а Хороправа, который невольно рассматривал отражение в зеркале, опомниться и опустить голову.

Старый русал надеялся, что гриболюд скажет хоть что-нибудь, но тот, кто ещё пару дней назад говорил, что может немного поверить в Око Зазеркалья, теперь молчал, забившись в угол и прикидываясь мёртвым.

Снежноцапка тоже молчала. Уже третья по счёту — неловкая и пугающая — тишина опустилась на отсек.

Краем глаза Хороправ видел, что Око Зазеркалья всё ещё находился в зеркале и с явным интересом наблюдал за ними.

Продолжать молчать было бы слишком невежливо, и старому русалу пришлось сделать шаг вперёд и выступить от имени всех.

— Владыка снов и зеркал, благодарю вас за то, что вы вновь пришли нам на помощь...

— Не стоит благодарности, — перебил его Око Зазеркалья. — Я обещал Снежноцапке: если она позовёт меня во сне или перед зеркалом, я услышу. Ах, но только что это была не Снежноцапка... Это был твой голос.

Сбитый с толку Хороправ не понял, что именно он имеет в виду.

— Хороправ Пантодон, ведь это ты только что молился мне, верно? — весело сказал Око Зазеркалья.

Хороправ:

— ?..

То, что божество знало его имя, не удивило. Но молитва...

Хороправ прокрутил всё в памяти и понял, что от начала и до конца лишь он один вслух произносил имя Ока Зазеркалья. Гриболюд же всячески избегал этого.

Лицо старого русала постепенно побледнело. Он резко повернулся и уставился на гриболюда в углу.

Око Зазеркалья заметил это безмолвное столкновение спутников и всё так же радостно — и совершенно явно нарочно — повторил:

— Это ведь ты мне молился, верно?

<http://bllate.org/book/12612/1120012>